

ДВЕ МУЗЫ АКТРИСЫ

Mary 1944, 25/12
Tant. saluti a
etton le giornale
Trud.
Gina Pollo Lip?

Как бы вы повели себя, если, отправившись прогуляться, вдруг встретили у своего дома Чарли Чаплина или Марчелло Мастоияни? Я на углу Арбата буквально столкнулся с... Джинной Лоллобриджидой. Она шла, увешанная фотоаппаратами, и весело болтала со спутниками.

— Прошу извинить, сеньора, но репортер нечасто встречается на московской улице с Джинной Лоллобриджидой. Уверен, вы поймете меня, а поняв, простите за назойливость, — обратился я к кинозвезде.

Она на мгновение замерла. Огромные, как у серны, оттененные зеленым гримом глаза словно прыгнули мне навстречу и рассмеялись.

— И в Советском Союзе продолжается то же, что в Италии! — улыбнулась актриса, и я почувствовал, как невольно поддаюсь ее обаянию. Вспомните шалунью-девчонку в знаменитом «Хлеб, любовь и фантазия». Нет, такой, как теперь, она была, пожалуй, в «Соборе Парижской богородицы». А может быть, рядом с Жераром Филиппом в «Фанфане-тюльпане»?

— Чувствую, сеньора, что, несмотря на неожиданность, вы не откажетесь дать хотя бы небольшое интервью.

— Что ж, мы с вами почти коллеги!

— Какими судьбами вы в Москве? И почему ни одна из газет, радио или телевидение не оповестили об этом визите? Ведь кинозвезды появляются обычно, когда прожекторы рекламы уже высветили их путь.

— У меня здесь два-три весьма важных дела. Одно из них связано с кино, другое с работой в области фотографии. Завтра утром улетаю в Нью-Йорк.

— Читателей, а среди них немало поклонников таланта Джинны Лоллобриджиды, волнует, когда можно будет наконец вновь увидеть вас на экране. Ведь в последние годы вы почти не снимаетесь...

— Вы правы. Снявшись примерно в шестидесяти картинах у разных режиссеров (подчас это были весьма известные мастера), я несколько разочаровалась в кинематографе. И, если бы вполне откровенной, убеждена, что не сыграла еще своего лучшего фильма. Признаюсь, я достаточно разборчива и стараюсь не принимать предложений играть роли, которые мне кажутся маловыразительными.

Меня выручает вторая профессия: я нашла новое призвание в фотографии. Большую часть времени теперь отдаю ему.

— Как вы пришли к мысли стать фотографом?

— Скорее, случайно как раз то, что я стала актрисой...

Но давайте все по порядку. В детстве Джина училась живописи. Успехов особых не было, но вкус к изображаемому предмету, цвету, к событиям, происходящим рядом, проявился. Кстати, возможно, именно тому, что она не «состоялась» как художник, мы и обязаны знакомством с кинозвездой Лоллобриджидой. А любовь к рисованию по-прежнему оставалась в ее сердце. В последние годы актриса нашла достаточно точное самовыражение в фотографии.

— Фотография для меня — не только хобби или заработок. Она — выражение моих чувств и взглядов, мое средство общения с людьми.

— Читатели газеты «Труд» знают, что в Италии и других странах вышла в свет книга Джинны Лоллобриджиды «Моя Италия». Признайтесь, не связан ли ваш нынешний визит к нам с перспективой познакомиться с книгой советских людей?

— Вы почти угадали. Это одно из тех дел, которые привели меня в Москву. Уточню только, что «Моя Италия» не книга, а альбом.

...Я рассматривал его. В нем можно увидеть узкие улочки Палермо и величественные развалины римского Колизея, «подслушать» диалог бедного сицилийского крестьянина со старой, упрямой козой, убедиться в истинно огневом темпераменте болельщика на футбольном матче «Интера» с «Миланом». Много портретов: несравненный Феллини, Марчелло Мастоияни, художник Ренато Гуттузо, Анна Маньяни. В альбоме встречаешь самых краси-

вых женщин Италии и, может быть, не самых красивых.

— Фотографии не искусственно организованы. Я старалась дать облик моей страны, лишенный какой-либо «постановочности».

Очень люблю свою вторую музыку. Из картинного, если так можно выразиться, диснеевского мира она вернула меня в мир простых людей с их заботами и радостями. За последнее время я буквально исколесила Италию и знаю ее сегодняшней, а не вчерашней.

— Как же кинозвезде удалось столько «подсмотреть» у жизни, оставаясь незамеченной?

— Мой кумир — выдающийся мастер Анри Картье-Брессон утверждает, что превращение в невидимку столь же важно в его профессии, как и чувство движения. По умению остаться в тени я внутренне оценивала свой профессионализм. А незамеченной быть, к сожалению, удавалось не всегда. Однажды спасалась бегством с заседания мафии, в другой раз из-за меня опоздали к началу смены рабочие завода «Фиат». Но чаще всего приходилось передеваться и гримироваться каким-нибудь мальчишкой, старухой, уличным попрошайкой, раз даже полицейским.

— Неужели победительница конкурсов красоты Джина Лоллобриджиды отваживалась появляться на улице в облике старухи?

— Чем не пожертвовать ради любимого дела, — смеется в ответ Джина.

Снимки нравятся ее соотечественникам потому, что они получили возможность взглянуть друг другу в глаза, лишней раз улыбнуться комизму ситуации, подшутить над соседом. Ведь юмор живет в каждом итальянце с самого рождения, и на этот счет существует немало веселых анекдотов.

— А вы не снимаете скрытой камерой?

— Никогда. Я против «подглядывания». Считаю, что для фотографа это неприличный метод работы.

— Скажите, Джина, и насколько успешными были ваши контакты с книгоиздателями у нас в стране?

— Пока, пожалуй, еще слишком смело говорить о конкретных результатах. Но начало переговорам положено.

— Еще вопрос: были ли у вас встречи с деятелями кино?

— Да, я получила приглашение сняться в одном из фильмов. Затрудняюсь ответить категорично, но думаю, что снимать будет мой давний знакомый Михалков-Кончаловский.

— И что это за фильм?

— Возможно, «Леди Макбет Мценского уезда». Люблю эту вещь.

— Вы и сейчас с фотоаппаратом. Что снимаете теперь в Москве? И кто эти господа с кинокамерами, сопровождающие вас?

— Они представляют итальянское телевидение. Снимают меня в Москве за работой. Им предстоит сделать фильм. Тржусь я над серией снимков, условное название которой «Выдающиеся люди земли». Чтобы выполнить несколько работ этой серии, я и приехала.

— И кого вы снимали?

— Я суеверна! Пока вся работа не закончена, это тайна.

— Утром отправляетесь в Нью-Йорк?..

— Да. Я условилась о съемке с господином Никсоном.

— Поскольку вы родились в семье железнодорожника, можно считать, что и дороги вам не в тягость.

— Конечно! С детских лет стук вагонных колес на стыках рельсов действует на меня как лучшее успокаивающее средство.

— Читатели газеты «Труд» рады приветствовать вас на советской земле. Могу я передать им ваш привет?

— Обязательно! Давайте перо и бумагу.

На листе блокнота появилась надпись: «Привет читателям газеты «Труд». Джина Лоллобриджиды». И, возвращая мне перо, она добавила: «В этот самый весенний месяц май».

Ю. ЗАРУБИН.